

КОГНИТИВНЫЙ И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ: КАК НОВОЕ КОГНИТИВНОЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ МОЖЕТ ПОМОЧЬ СРАВНИТЕЛЬНОМУ РЕЛИГИОВЕДЕНИЮ?¹

ВВЕДЕНИЕ: НОВЫЙ ПОДХОД К СТАРЫМ ПРОБЛЕМАМ

В святилище Ваджирарамайя в Коломбо (Шри-Ланка) буддийские монахи в молчании приступают к сосредоточенной медитации с целью устранить представление о сущностном «я». В ста шестидесяти километрах к юго-востоку в огромном храмовом комплексе, посвященном Катаррагаме, толпы жителей Шри-Ланки совершают поклонение этому капризному, но весьма могущественному индуистскому божеству, которое, как считается, щедро награждает мирскими благами своих преданных почитателей. В большой синагоге в Тель-Авиве благочестивые иудеи возносят смиренные и благодарственные молитвы Яхве, единому и единственному Царю мира. А в соборе св. Патрика в Нью-Йорке католики славят триединого Бога и чтят женщину по имени Мария, называемую также *theotokos*, Богородицей. В Варанаси умирающие индуисты готовят свои тела к погружению в воды реки Ганг, воплощение богини Ганги, что должно привести к достижению *мокши* — полного освобождения от цепи перерождений. На острове Восточная Новая Британия (Папуа-Новая Гвинея) последователи карго-культа Помио Кивунг старательно готовят угощение, чтобы накормить духов предков, ежедневно собирающихся на пир в особых, крытых тростником святилищах.

Многообразие религии очевидно. Не нужно много читать или путешествовать, чтобы отчетливо представить полиморфизм религиозной мысли и религиозного поведения. Верования и практики обнаруживают поразительные различия. К представлениям о божественном относятся и вера в послушных духов природы, и поклонение всемогущим небесным богам, и идеи о монистических силах, производящих из себя и оживляющих собой материальный мир. Одни религиозные ритуалы включают проведение детально разработанных и пышных жертвоприношений, другие задействуют эффект измененных состояний сознания, а третьи ограничиваются простым легким поклоном. Внешние формы культа могут быть шумными и неистовыми, возвышенными и завораживающими или же успокаивающими и созерцательными. Члены религиозных сообществ могут совместно предаваться болезненному самобичеванию, при этом объединяя свои голоса в гармоничный хор, или же просто сидеть в неподвижном молчании. Подобные различия явственно проступают не только в несвязанных

¹ Перевод: И. Анофриев. Редакция перевода: Т. Малевич. Данный текст является переводом доклада «Cognition and comparison: How the new cognitive science of religion reinvigorates the comparative study of religion», представленного на секции «Cognitive Science of Religion and Comparative Study of Religions: together or apart?» на интернет-конференции «Comparative Religion: from Subject to Problem» (октябрь-декабрь 2008).

между собой религиозных традициях, но также внутри каждой из них. Философия и практические предписания буддизма Тхеравады кардинально отличаются от тех же областей тантризма Ваджраяны. Последователи индуистской философской школы адвайта-веданты подчеркнуто дистанцируются от адептов учения о бхакти. Танура суфийских дервишей в корне отличается от обязательных ракатов, выполняемых в суннитской мечети.

Среди многочисленных современных подходов к изучению религии сравнительное религиоведение наилучшим образом осведомлено о разнообразности своего предмета и в большей степени ориентировано на определение и анализ сходств и различий, обнаруживаемых в религиозных традициях мира. Сравнительный подход вдохновляется убеждением в том, что исследование религий в их соотношении, а не в изоляции друг от друга, способно предоставить нам наиболее полную информацию о содержании, формах внешнего выражения и структурах, вместе составляющих этот загадочный культурный феномен. На этом пути мы также сможем глубже понять внутренний мир тех людей, которые столь охотно принимают религиозный образ мышления и поведения. Можно даже представить, что сравнительное религиоведение преследует гуманистические цели: освещающая и проясняющая наиболее значимые моменты в отношениях между разными религиями, оно, в конце концов, сможет минимизировать наблюдаемые различия, а также внутри- и внешнегрупповую отчужденность, столь часто приводящую к актам насилия.

Однако сравнительному подходу не удалось избежать резкой критики. Помимо утверждений некоторых ученых о невозможности точного определения понятия «религия» и даже об искусственности этого понятия¹, слышны также резкие возражения против любых попыток сравнения несвязанных между собой, локальных и культурно обусловленных традиций: такие попытки неизбежно окажутся поверхностными, необъективными и наивными. Обобщая подобного рода критику, Лютер Мартин задает вопрос: «Учитывая то, что различные культуры предоставляют различные же «религиозные» факты, что именно нам следует взять за единицу сравнения?»². В то же время компаративисты вполне осознают сложности, которые представляет их методология. Наиболее часто цитируемая ими работа определяет сравнительное религиоведение следующим образом: «Это систематическое изучение общих черт и различий в религиях мира, которое формулирует и задействует общие понятия и принципы, которые способствовали бы историческому и систематическому же пониманию универсальных и частных особенностей этих религий»³. Далее следует обстоятельное рассмотрение трудностей, связанных с разработкой означенных «категорий» и «принципов», которые могли бы успешно объяснить многообразие религий. Таким образом, ученым, использующим сравнительный подход, приходится решать сразу две задачи: не только пытаться

¹ Smith J. Z. *Imagining religion: From Babylon to Jonestown*. — Chicago: University of Chicago Press, 1982.

² Martin L. H. *Comparison // Guide to the study of religion* / Ed. by Braun W., McCutcheon R. T. — London: Cassell, 2000. — P. 49.

³ *The HarperCollins dictionary of religion* / Ed. by Smith J. Z. — New York: HarperCollins, 1995. — P. 276.

понять, что такое религия, но также сопоставлять общие или уникальные для каждой культурной системы антропологические особенности.

В таком случае знакомство с новой «когнитивной наукой о религии» может оказаться весьма полезным для религиоведов-компаративистов. Будучи детищем скорее естественных, чем социальных наук, когнитивное религиоведение способно отразить возражения антропологов и других критиков сравнительного подхода, доказав, что культурная замкнутость не является преградой для общего изучения человека, а также, что сходство или же, напротив, уникальность различных форм человеческой мысли и поведения должны пониматься несколько в ином смысле, чем предполагалось ранее. Устанавливая связь между процессами и продуктами деятельности приспособляющегося головного мозга человека — одинакового у всех и повсюду — когнитивный подход демонстрирует, что набор понятий и форм деятельности, составляющих ядро религиозных систем, ограничен, необходимо обусловлен и сформирован специализированными психическими процессами, характерными для каждого из нас.

Подобного рода соображения дают наглядное представление о том, как уже сейчас когнитивные исследования становятся фундаментом науки, способной предоставить значимый, поддающийся проверке метод описания и объяснения феномена религии. На данный момент когнитивный подход обеспечивает сравнительному религиоведению недостающую респектабельность, а также новое устойчивое методологическое основание. Воспользовавшись услугами когнитивного религиоведения, компаративистское исследование может оказаться значительным вкладом в изучение внутренних и внешних закономерностей человеческой религиозности.

ПРИНЦИПЫ КОГНИТИВНОГО РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

Благодаря усилиям небольшого числа ученых, когнитивное религиоведение в течение прошедших двадцати лет смогло зарекомендовать себя в качестве перспективного подхода к проблеме функционирования религии. Основанная на теориях Паскаля Буайе¹ и Томаса Лоусона², а также экспериментальных исследованиях таких психологов и антропологов, как Джастин Баррет³ и Скот Атран⁴, когнитивная наука о религии показала, что религиозные мышление и поведение коренятся в функционировании системы сложившихся в ходе эволюции психических механизмов. Эти механизмы обеспечивают усвоение, репрезентацию и передачу религиозных понятий, другими словами — обуславливают содержание и форму религиозных систем⁵.

¹ Boyer P. The naturalness of religious ideas: A cognitive theory of religion. — Berkeley, CA: University of California Press, 1994; Idem. Religion explained: The evolutionary origins of religious thought. — New York: Basic Books, 2001.

² Lawson E. T., McCauley R. N. Rethinking religion: Connecting cognition and culture. — Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

³ Barrett J. L. Why would anyone believe in God. — Walnut Creek, CA: AltraMira, 2004.

⁴ Atran S. In Gods we trust: The evolutionary landscape of religion. — New York: Oxford University Press, 2002.

⁵ Pyysiäinen I. How religion works: Towards a new cognitive science of religion. — Leiden: Brill, 2001; Tremplin T. Minds and Gods: The cognitive foundations of religion. — New York: Oxford University Press, 2006.

Совершенство полученных результаты, когнитивное религиоведение пользуется междисциплинарной методологией, основанной на когнитивной науке, эволюционной психологии и собственно религиоведении¹. Основные принципы когнитивного религиоведения можно сжато изложить следующим образом:

1. *Мы не сможем понять, что мы познаем, пока не поймем, как мы познаем.* Подобно восприятию и эмоциям, понятия также являются результатом работы головного мозга. До недавнего времени ученые разных направлений изучали понятия (и их значения), не задаваясь вопросом о том, как они в действительности создаются. Процесс образования представлений в мозге человека напоминает производство промышленных товаров на сборочном конвейере. Различные специализированные психические механизмы вносят свой вклад в «конечный продукт». Понимание принципов работы и, следовательно, содержания нашего познания необходимо предполагает основательное изучение структуры и функций головного мозга человека, что является предметной областью когнитивной науки.

2. *Изучение структуры и функций головного мозга современного человека невозможно без изучения истории антропогенеза.* Мозг, как и порождаемые им представления, не является вещью *sui generis*. Этот орган человеческого тела является продуктом естественного отбора. Устройство и функции головного мозга современного человека есть следствие адаптации к условиям окружающей среды, в которой жили наши предки. Детальное описание нашего психического аппарата, способов мышления и поведения в нынешнем состоянии не обходится без упоминания об истории их развития, чем и занимается эволюционная психология.

3. *Адаптированный к внешним условиям мозг начинает свое развитие, будучи оснащенным врожденными способностями к приобретению информации, психическими механизмами и когнитивными процессами, управляющими восприятием и мышлением.* Совместные исследования в когнитивной науке и эволюционной психологии показали, что психика человека к моменту его рождения не является чистым белым листом, но, напротив, уже имеет в своем распоряжении набор интуитивных познавательных и мыслительных операций, делающих возможным познание окружающего мира. Врожденные познавательные операции предметно-ориентированы, универсальны, быстродейственны, их работа протекает непроизвольно и по большей части бессознательно.

а) врожденные способности к приобретению информации: *наивная физика*, определяющая непосредственное знание об основных механических качествах и законах, применимых к миру физических объектов; *наивная биология*, определяющая непосредственную категоризацию и различение живых объектов; *наивная психология*, позволяющая понимать других людей, непосредственно приписывая им определенные психические состояния и познавательные навыки.

¹ Current approaches in the cognitive science of religion / Ed. by Pyysiäinen I., Anttonen V. — London: Continuum, 2002; Religion and cognition: A reader / Ed. by Slone D. J. — London: Equinox, 2006.

- b) врожденные психические механизмы: *категоризация*, позволяющая различать воспринимаемые нами объекты (предметы, личности) на основе данных органов чувств; *маркирование*, позволяющее делать заключения о качествах объекта, однажды воспринятого и категоризированного («теория сознания» и т.д.); *координация*, корректирующая наше поведение в соответствии с узнаванием окружающих объектов и определением непосредственной обстановки (например, при социальных изменениях и т.п.).
- c) типы врожденных когнитивных процессов: *когнитивные инференции*, посредством которых сознательные предположения дополняют содержание понятия; *когнитивная predisпозиция*, обеспечивающая циркуляцию получаемой информации в нужном направлении; *когнитивное сдерживание*, благодаря которому способность к образованию понятий ограничивается набором психических механизмов, служащих пониманию и формированию внутреннего образа мира.

4. Многие формы человеческой мысли и поведения являются побочным продуктом психических механизмов, чья работа первоначально была ориентирована на решение иных задач. Несмотря на функциональную предрасположенность нашего мозга к определенным формам мышления, мы можем направить его деятельность в более продуктивное русло. Психические механизмы, как и, например, отвертку, можно использовать и не по целевому назначению. Множество видов активности и результатов творческой мысли, характеризующих современную жизнь, — от искусства до научных вычислений — можно определить как нецелевые побочные продукты работы изначально направленных на иные цели психических механизмов.

5. *Религия есть естественный побочный продукт адаптировавшегося мозга.* Работа психических механизмов, порождающих религиозные формы мышления и поведения, направлена на решение различных, но функционально связанных задач. Данный принцип предотвращает попытки истолковать религию как одно из следствий эволюции человека. Когнитивный подход вовсе не предполагает того, что человек в определенный момент эволюционирует до религиозного мышления (появляется, например, особый ген или специальный психический механизм) или что религия представляет собой одну из форм адаптации к окружающему миру. Напротив, религиозные мышление и поведение основываются на нормальной работе ментальных структур и процессов, направленных на решение вполне посторонних задач.

6. *Религиозное мышление детерминировано теми же факторами, что и другие формы мысли.* Поскольку религиозное мышление и поведение формируются именно теми психическими механизмами, которые их создают, нет нужды предполагать наличие специальных структур или функций для того, чтобы объяснить эти феномены. Несмотря на кажущуюся неограниченность, религиозные представления и формы поведения строго обусловлены функциональным назначением нашего мозга. Это становится очевидным в свете их сравнительного анализа, что и является задачей религиоведения.

Для того чтобы проиллюстрировать объяснительный потенциал изложенных принципов, рассмотрим в качестве простого примера общую для всех религий черту — веру в сверхъестественных существ. Одним из самых важных и в то же время неконтролируемых психических механизмов человеческого сознания является механизм обнаружения действия (*Agency Detection Device*), который быстро распознает активные объекты (агенты) в окружающей обстановке. Значение данного механизма для выживания столь существенно, поскольку он может приписывать активность различным объектам даже при таких обстоятельствах, когда сама возможность проявления ими активности далеко не очевидна. Этот механизм способен функционировать и при отсутствии прямых стимулов. Значительная часть человеческого мышления связана с психическими репрезентациями присутствующих и отсутствующих, а также реальных и нереальных агентов. Работу механизма обнаружения действия дополняет функционирование механизма теории сознания (*Theory of Mind Mechanism*), приписывающего агентам психические состояния. Механизм теории сознания является частью системы процессов, составляющих социально-когнитивную сферу нашего сознания. Сложность и функциональность этой системы является следствием общественного существования человека. Свойственное человеку менталистское восприятие мира, обуславливающее самые разные формы деятельности сознания — от чтения про себя до телеологического мышления, — сформировалось не только вследствие необходимости различать активные и неактивные объекты, но также непосредственно под селективным давлением общественных условий существования.

Нормально функционирующий механизм теории сознания позволяет нам воспринимать наиболее значимых для нас агентов — других людей. При этом представление о «человекоподобии» наделенных сознанием существ является, таким образом, неадекватным. Мозг автоматически распределяет воспринимаемые объекты по естественным категориям: *личность, животное, растение* или *естественный/искусственный объект*. Религиозные представления о богах или духах, обладая важными контринтуитивными свойствами, являются, в сущности, представлениями о *личности*. Люди верят, что боги могут мыслить, чувствовать, вступать в отношения с человеческим обществом. *Личность* является той естественной категорией, которая охватывает также и тот тип существ, к которым, как считается, относятся и боги. Поскольку содержание представления о боге основывается на категории *личности*, наш когнитивный аппарат автоматически активирует набор естественных ожиданий, который обычно соотносится с представлением о реальной *личности*. Наиболее существенным для представления о *личности* как раз и является «теория сознания», которая, в свою очередь, предполагает наличие социально-когнитивного аппарата, включая также моральный и эмоциональный компоненты, направляющие его работу. Результатом работы этой системы ментальных операций является представление о богах как существах, обладающих личностными и общественными качествами. В соответствии с этим представлением люди пытаются понять и взаимодействовать с богами как если бы они понимали и взаимодействовали с другими людьми. Доказательством того, что представления о богах имеют именно такое когнитивное основание,

может служить как явный антропоморфизм, свойственный религиозному дискурсу и религиозным образам¹, так и основательные экспериментальные исследования, показавшие, что репрезентации личностей и богов являются следствием работы одних и тех же психических механизмов².

Религиозные представления, вроде представлений о богах, суть продукты «фабрики» головного мозга, а потому их структура и ассортимент обуславливаются тем ограниченным набором механизмов, которые участвуют в их создании. Безотносительно к тому, что утверждает теологическая традиция, представления о богах согласуются с теми интуитивными ожиданиями, которыми обладают люди по отношению ко всем наделенным сознанием существам. Христиане, иудеи, индуисты и даже атеисты имеют на удивление сходные представления о божественном. Как отмечает в одной из своих работ Паскаль Буайе, представления о сверхъестественном, на которых основывается каждая религия, можно обобщить в поразительно кратком «списке образцов»³. Существует не так уж много способов сотворить себе бога. При этом теологи не могут рассчитывать на то, что результаты их работы будут претендовать на общезначимость. Действительно, *иррелевантность* творческой теологической мысли станет очевидна, если мы бросим взгляд на пропасть, разделяющую «официальную» и «народную» религии. Вопреки виртуозности теологов и очарованию создаваемых ими абстракций, мышление и поведение обычных верующих демонстрирует в высшей степени последовательную «теологическую некорректность»⁴.

Другие особенности религиозного мышления, поведения и организаций можно рассматривать сходным образом. Процесс образования формы и содержания ритуалов активно задействует имеющуюся в нашем сознании «систему репрезентации действия» (*“action representation system”*)⁵. Правила религиозного поведения согласуются с интуитивными законами социального взаимодействия. Религиозные объединения и организации служат когнитивным и психологическим целям⁶; они основаны на работе психических механизмов, поддерживающих социальное существование человека. Одним словом, длительный процесс адаптации к взаимодействию с миром «вовне» (*“out there”*) — и, в особенности, с *другими* людьми «вовне» — привел к тому, что сейчас человек обладает набором действенных когнитивных способностей, позволяющих его сознанию приобретать представления о сверхъестественном и, таким образом, религию как та-

¹ Guthrie S. Faces in the clouds: A new theory of religion. — New York: Oxford University Press, 1993.

² Barrett J. L. Exploring the natural foundations of religion // Trends in Cognitive Science. — Vol. 4 (2000). — P. 29-34.

³ Boyer P. Religion explained: The evolutionary origins of religious thought. — New York: Basic Books, 2001. — P. 78.

⁴ Slone D. J. Theological incorrectness: Why religious people believe what they shouldn't. — New York: Oxford University Press, 2004.

⁵ McCauley R. N., Lawson E. T. Bringing ritual to mind: Psychological foundations of cultural forms. — Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

⁶ Whitehouse H. Modes of religiosity: A cognitive theory of religious transmission. — Walnut Creek, CA: AltaMira, 2004.

ковую. Социализированное сознание, управляющее нашим мышлением и поведением в реальном мире, также позволят нам мыслить и взаимодействовать с мирами вымышленными.

ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ

Приведенных примеров достаточно, чтобы обозначить оригинальность когнитивного подхода к религии. Ведь в его рамках возможен пересмотр уже существующих попыток истолкования природы и изучения этого феномена.

Характерным и существенным для этих попыток является утверждение об отличии религиозного мышления от других типов мышления. Следовательно, религиозные идеи нельзя объяснять так же, как идеи «обычные». С этой точки зрения, строго научное объяснение религии необходимо устраняет нечто, что делает этот феномен «особым» (или, если использовать наиболее предпочтительное здесь слово, «священным»). Но религиозные представления — это именно *представления*, и как таковые они суть естественные продукты эволюционировавшей психики человека. Когнитивный подход утверждает, что религиозные идеи не относятся к области какого-то «специфического» мышления; их производят те же, отвечающие за образование вполне ординарных форм мышления, мозговые структуры и функции. Значит, нет необходимости искать особые когнитивные процессы для того, чтобы изучить «особый» тип мышления. Множество удивительных результатов человеческой мысли появляется в условиях примитивного существования, однако ничто не мешает рассматривать их как побочные продукты когнитивных способностей и автоматически работающих познавательных функций, предназначенных для решения более приземленных задач. Когнитивное религиоведение показывает, что религиозные представления, изящнейшие произведения человеческого сознания, основываются на самых обычных и заурядных формах мышления.

Возвратимся теперь к вышеупомянутому тезису, равно отрицающему и возможность построения каких-либо обобщений по поводу человеческой религиозности и перспективу создания стройной теории, ее объясняющую. Головной мозг современного человека, снабженный множеством специализированных функций, обеспечивающих мыслительные процессы, является его существенной *видовой* характеристикой, поэтому мышление и порождаемые им представления по преимуществу одинаковы у всех людей в любой точке планеты. Это значит, что носителями одинаковых представлений могут быть люди, принадлежащие как к одной культуре, так и к культурам, совершенно отличным друг от друга. Культура вовсе не является преградой для применения сравнительного подхода, как это ранее стремились показать. «Культура, — как метко выразился Дэн Спербер, — есть лишь осадок когнитивных и коммуникативных процессов»¹. Следовательно, культурные системы, которые создает и носителем которых является человеческое сознание, не родственны или не уникальны по отношению друг другу в том смысле, какой вкладывался в эти понятия

¹ Sperber D. Explaining culture: A naturalistic approach. — Oxford: Blackwell, 1996. — P. 97.

ранее. Алгоритмизированная и потому предсказуемая работа сознания предполагает, что везде и всюду представления будут создаваться по одной и той же схеме, а общая картина мира у разных людей в конечном итоге окажется примерно одинаковой. Наличие стандартизированной модели психических операций обуславливает большое количество общих неизменных представлений. Универсальные формы человеческого мышления и поведения формируются и сохраняются основополагающими когнитивными законами, как это показал Ноам Хомский на примере языка¹.

Все это в равной степени справедливо и для того универсального феномена, который мы называем «религией». Различия между отдельными религиями во многом теряют свою резкость, если присмотреться к ним поближе. Когнитивный подход открывает нам количественную ограниченность, предсказуемость и взаимное соответствие представлений и практик, составляющих ядро любой религии. Одинаковое функционирование индивидуальных сознаний определяет их одинаковое содержание. Вера в богов, духов, приведений, наряду с другими общими чертами религии, обнаруживается повсюду так же, как и практика ношения одежды или использования приправ в приготовлении пищи. Разнообразие этих феноменов представляет собой лишь местные вариации функционирования одних и тех же основных когнитивных систем. То же относится к поведенческому и организационному компонентам религии. Подобный взгляд на когнитивную систему имеет большое значение для понимания видов представлений и деятельности, образующих религиозные системы.

В заключение подчеркнем еще раз, что одолеваемое критиками сравнительное религиоведение получает второе дыхание благодаря недавно сформировавшемуся когнитивному религиоведению. Критика представлений о связанности культурных феноменов, возможности их сравнительного изучения и даже реальности «религии» звучит неубедительно за пределами пространства постмодернистского дискурса. Пусть некоторые ученые, вроде Айвана Стренски, продолжают отражать атаки «рассеивателей» религии (так, например, Стренски замечает: «Властелины дум могли бы извлечь для себя пользу, если бы они подумали о том, что их рассуждения о культурной организации и культурном познании иррелевантны по отношению ко всему человеческому опыту»²). В это время твердо стоящие на земле религиоведы могут спокойно продолжать фиксировать общие и частные особенности религиозного мышления и поведения, способствуя приросту знаний, проливающих свет на эти замечательные примеры человеческой активности. Когнитивное религиоведение предоставляет этим предприятиям тот теоретический и методологический фундамент, в котором они так долго нуждались.

Допускаю, что когнитивное религиоведение не может предложить исчерпывающего описания религии, которое удовлетворило бы ученых, занятых в таких областях, как феноменология религиозного опыта, исследования эмоциональных и экзистенциальных коррелятов религиозных верований и практик или же изучение последствий процессов социализа-

¹ Chomsky N. Knowledge of language: Its nature, origins, and use. — New York: Praeger, 1986.

² Strenski I. On “religion” and its despisers // What is religion? Origins, definitions, and explanations / Ed. by Idinopulos T. A., Wilson B. C. — Leiden: Brill, 1998. — P. 117.

ции. Роберт Фуллер был прав, когда доказывал, что «ученому-когнитивисту следует уделять больше внимания тому факту, что люди могут научиться различать причинно-следственные связи не только вследствие давления со стороны специального когнитивного модуля»¹. Следовательно, применение когнитивного подхода должно подкрепляться данными психологии религии, стремящейся понять формирующую и функциональную роль благочестия в жизни религиозных людей. Как бы то ни было, на данный момент когнитивное религиоведение является самым мощным орудием в деле объяснения происхождения, форм, содержания и существования религии.

¹ Fuller R. C. *Spirituality in the flesh: Bodily sources of religious experience*. — New York: Oxford University Press, 2008. — P. 170.